

Акулова Лариса Владимировна

ХРИСТИАНСКИЙ СМЫСЛ ЭСТЕТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматриваются вопросы, связанные с этико-философскими и эстетическими взглядами Ф. М. Достоевского. Обращение к данной теме связано со стремлением автора дать углубленный анализ миропонимания и творчества писателя. Основное внимание направлено на раскрытие православных основ этико-эстетических взглядов Ф. М. Достоевского. Актуальность статьи определяется необходимостью заново осмыслить творчество писателя, что связано с появлением в современной периодической печати и общественном сознании поверхностного отношения к миропониманию и эстетическим взглядам Ф. М. Достоевского.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2(56): в 2-х ч. Ч. 1. С. 10-14. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

В статье рассматриваются вопросы, связанные с этико-философскими и эстетическими взглядами Ф. М. Достоевского. Обращение к данной теме связано со стремлением автора дать углубленный анализ миропонимания и творчества писателя. Основное внимание направлено на раскрытие православных основ этико-эстетических взглядов Ф. М. Достоевского. Актуальность статьи определяется необходимостью заново осмыслить творчество писателя, что связано с появлением в современной периодической печати и общественном сознании поверхностного отношения к миропониманию и эстетическим взглядам Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова и фразы: эстетика; этика; христианское мирозерцание; абсолютный идеал; абсолютное совершенство; истина; добро; красота; спасение.

Акулова Лариса Владимировна, к. филол. н., доцент
Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
akulova47@bk.ru

ХРИСТИАНСКИЙ СМЫСЛ ЭСТЕТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Проблема соотношения эстетического и этического в творчестве Ф. М. Достоевского всегда привлекала внимание исследователей. Несмотря на то, что в последнее время появились литературоведческие работы, которые в разной степени затрагивают эту проблему [3; 13; 14; 16], в ней по-прежнему остается область незатрагиваемого, потому что, очевидно, сама эта тема неисчерпаема по своей сути.

По справедливому мнению современного итальянского исследователя русской литературы Делл Аста А., «красота спасет мир» – это, «наверное, <...> самый известный и зачастую некстати повторяемый афоризм Достоевского – особенно, когда он оказывается выхваченным из контекста и его используют как эффектную формулу. Однако эта популярность имеет свои причины: она затрагивает один из центральных мотивов творчества Достоевского, вокруг которого вращаются все другие, наиболее дорогие для него идеи, и помещает его в сердце той традиции, для которой красота всегда была чем-то большим, чем просто эстетическая концепция или мода» [4, с. 250].

Ф. М. Достоевский не создал целостной эстетической системы, но его эстетические воззрения отличаются единством и устойчивостью. В них есть постоянные проблемы, к которым писатель обращался на протяжении всей своей жизни. Все творчество Ф. М. Достоевского, начиная с 60-х гг. XVIII в., обращено к теме красоты. Писателя занимают законы восприятия красоты, ее воздействия на человека. Наиболее многогранно тема красоты рассматривается Достоевским в романе «Идиот» (1868). Героиня романа Настасья Филипповна воплощает исключительную внешнюю красоту, за которой угадывается незаурядность ее натуры. Рисуя портрет Настасьи Филипповны, автор не раз подчеркивает загадочность ее характера. Вначале князь Мышкин, глядя на ее портрет, говорит: «Удивительное лицо!... и я уверен, что судьба ее не из обыкновенных. Лицо веселое, а она ведь ужасно страдала, а? Об этом глаза говорят...» [6, т. 8, с. 31]. Во второй раз, рассматривая этот портрет, князь увидел, что «это было необыкновенное по своей красоте и еще почему-то лицо» оно «сильнее поразило его теперь. Сочетание ненависти и простодушия. Эти два контраста возбуждали как будто даже какое-то сострадание... странная красота!» [Там же, с. 68]. Как видим, красота героини вызывает не только восхищение, но и сострадание. Такое необычное восприятие красоты по мере развития романа усиливается. «И разве одну только страстность внушает ее лицо? Да и может ли даже это лицо внушить теперь страсть? Оно внушает страдание, оно захватывает всю душу» [Там же, с. 191]. Красота Настасьи Филипповны не только выражает страдание, но вызывает страдание в созерцателе. Именно такая загадочная, таинственная красота, в которой «страдания много» удивительно сильно поражает окружающих. «Такая красота – сила, – горячо сказала Аделаида, – с этакой красотой можно мир перевернуть!» [Там же, с. 11]. Вспоминая свою первую встречу с Настасьей Филипповной, Рогожин говорит, что, как увидел ее, так его «тут и прожгло» [Там же]. Ф. М. Достоевский проявлял глубокий диалектический подход к красоте человеческого лица. Он показывал тесную связь внутреннего содержания человека и его внешнего вида. Содержание определяет форму, а форма является содержательной. Определение «задумчивый лоб» [Там же, с. 87] как раз говорит об этом единстве. Лоб обычно определяют как высокий или низкий, широкий, нависший,

гладкий и т.п. потому, что чаще всего описывают его внешние признаки. Но у Достоевского лоб «задумчивый», так как он видит мыслящую, думающую женщину и стремится подчеркнуть это. Часто говорят о духовной красоте человека как о чем-то отличном от физической, но все эти эстетические достоинства личности взаимосвязаны, одно просвечивается в другом.

Ф. М. Достоевский останавливается и на тех случаях, когда между ними есть противоречие, когда единство внутренней и внешней красоты, гармония нарушены, форма не соответствует содержанию. В этом случае дисгармония между формой и содержанием приводит к неприятному, отталкивающему впечатлению даже от созерцания очень красивого лица. Достаточно вспомнить портреты Свидригайлова, Ставрогина.

Некоторые «самые отвратительные персонажи романов Достоевского иногда наделены исключительной, многозначительно подчеркнутой автором красотой. У них обязательно красивые, правильные, может быть, чуть-чуть слишком красивые и правильные лица» [10, с. 177]. В романе «Преступление и наказание» Достоевский описывает внешний облик Свидригайлова так: «Это было какое-то странное лицо, похожее как бы на маску: белое, румяное, с румяными алыми губами, с светло-белокурою бородою и с довольно густыми еще белокурыми волосами. Глаза были как-то слишком голубые, а взгляд их как-то слишком тяжел и неподвижен. Что-то было ужасно неприятное в этом красивом и чрезвычайно моложавом, судя по летам, лице...» [6, т. 6, с. 357]. Столь же отталкивающее впечатление производил Ставрогин, несмотря на его редкую, удивительную красоту: «... казалось бы писанный красавец, а в то же время как будто отвратителен. Говорили, что лицо его напоминает маску...» [Там же, т. 10, с. 37]. У Достоевского повторяется лицо-маска у персонажей с бедным духовным миром. Маска не прикрывает духовное убожество личности, а только подчеркивает его, так как нарушает гармоническое единство формы и содержания. Только высокие духовно-нравственные качества, которые просвечиваются через внешнее, телесное, делают красоту истинной, придают ей этический смысл. У Достоевского эстетический идеал в художественном творчестве воплощает красоту нравственную и неразрывно связан с идеалом этическим. Моральная красота – главное в эстетическом идеале писателя. Наделяя внутренне убогих персонажей чертами безупречной красоты, Достоевский тем самым отрицает красоту как бессодержательную форму. Такая красота не способна благотворно влиять на человека, вызывать у него возвышенные чувства и благородные мысли. Достаточно вспомнить, что в романе «Идиот» появляется эпизодическое лицо – прекрасная немка – среди гостей Настасьи Филипповны. Этот персонаж незначительный, но очень важный для понимания эстетики Достоевского. Автор пишет о красивой гостье: «Она была столько же глупа, сколько и прекрасна, подобно картине, вазе, статуе, которую берут у знакомых, чтобы скрасить вечер» [Там же, т. 8, с. 132]. И здесь тоже лицо-картинка, маска. Такая красота, не освещенная внутренней духовной силой, не производит впечатления на окружающих. Если при первом взгляде на Настасью Филипповну Рогожина «прожгло», то на немку он совсем не обратил внимания, даже наступил сапогом на прекрасное кружево ее платья и «не заметил» [Там же, с. 135].

Достоевский подчеркивал, что в восприятии красоты очень многое зависит от созерцателя. Духовно развитый человек пронзительно увидит главное, чего не увидят другие. Так князь Мышкин сразу понял истинную красоту Настасьи Филипповны, глубоко прозрел в ней то, чего не заметили Тоцкий, Иволгин, Епанчин. По Достоевскому, эстетическое наслаждение представляет собой сложное противоречивое единство чувственных удовольствий и духовных радостей. Только учитывая «диалектическое взаимодействие природы и духа, воплощением которого является человек и все творимые им дела, можно правильно понять характер эстетического наслаждения. Природа и дух не простое, механическое, а глубоко противоречивое единство» [2, с. 133].

Стремясь проникнуть в диалектику красоты, Ф. М. Достоевский выделил в красоте идеал положительный – истинная, возвышенная и возвышающая красота, «идеал Мадонны» и отрицательный – «идеал Содомский». Достоевский подчеркивал возможность противоречия красоты не только в самом объекте (между формой и содержанием), но и в том, кто созерцает (кого-то привлекает положительный идеал, кого-то отрицательный). Еще греческий философ Гераклит отмечал способность некоторых людей «наслаждаться грязью» [9, с. 117]. Позднее, признавая наличие такой «способности» у поврежденного грехом человечества, христианский философ Феодор Студит замечал, как увлекательно бывает зло. Но даже один и тот же наблюдатель может менять свои эстетические позиции. Это произошло со Свидригайловым. Прежняя содомская красота его не удовлетворяла, а новый идеал уже не мог его исправить. Такое противоречие привело его к краху. По Достоевскому, красота и восприятие красоты – динамическое состояние личности.

Как и у философов древности, красота для Достоевского – это гармония. Но гармония не только правильных линий, симметрия. Гармония понималась писателем глубже, как разрешение противоречий, которые разрушали мир и человеческие души. Ф. М. Достоевский понимал, что нравственный кризис, переживаемый человечеством в XIX в., по существу есть кризис религиозный. Вера в Бога пошатнулась, тщеславие, гордость, корыстолюбие стали приобретать все большую власть над людьми. Писатель считал, что красота может вывести человечество из кризиса, поэтому он выдвинул идею «мир красотой спасется» [6, т. 9, с. 222]. Но какой красотой? Внешняя красота человека, при всем ее могучем, а иногда даже и роковом воздействии на судьбы людей, к спасению мира не имеет никакого отношения. Она может «перевернуть» мир, по мнению писателя, но не спасти. Более того, она сама нуждается в защите. Красота может привести к гибели, но не к спасению. Не случайно Дмитрий Карамазов говорит, что красота «страшная и ужасная вещь» [Там же, т. 14, с. 100].

В черновике к роману «Подросток» (1875) Ф. М. Достоевский отметил, что «будущий антихрист будет пленять красотой» [Там же, т. 16, с. 363]. Таким образом, даже предельное воплощение мирового зла может быть облачено в прекрасную оболочку. Красивые лица-маски у некоторых персонажей Достоевского – это лишь частные, мелкие проявления этого вселенского, страшного, дисгармоничного явления.

Для понимания эстетических взглядов Ф. М. Достоевского большое значение имеет высказывание философа В. С. Соловьева. Анализируя творчество Достоевского, в своей речи, произнесенной 1 февраля 1882 г., он утверждал: «Достоевский никогда не отделял истину от добра и красоты... И он был прав, потому что эти три живут только своим союзом. Добро, отделенное от истины и красоты, есть только неопределенное чувство, бессильный порыв, истина отвлеченная есть пустое слово, а красота без добра и истины есть кумир... Истина есть добро, мыслимое человеческим умом; красота есть то же добро и та же истина, телесно воплощенная в живой конкретной форме. И полное ее воплощение – уже во всем есть конец, и цель, и совершенство, и вот почему Достоевский говорил, что красота спасет мир» [15, с. 186-187].

В человечестве Достоевский подчеркивал всегдашнюю потребность не только в красоте, но и в высшем идеале ее. Идеалом, сочетающим в себе истину, добро и красоту, был для Ф. М. Достоевского Христос.

Образ Христа приобрел особое значение в системе эстетических взглядов Ф. М. Достоевского во время работы над романами «Идиот», «Бесы» (1872). В письме своей племяннице С. А. Ивановой в январе 1868 года Достоевский подчеркивал главную мысль романа «Идиот» – «изобразить положительно прекрасного человека». Писатель признавал, что задача эта безмерно трудная. «Прекрасное есть идеал, а идеал – ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался. На свете есть одно только положительно прекрасное лицо – Христос...» [6, т. 28, кн. 2, с. 251]. Непомерность задачи в том и заключалась, что «свят один Христос, но роман о Христе невозможен» [11, с. 390]. Понимая это, Достоевский создавал образ положительного прекрасного человека, суммируя, символизируя лучшие нравственные устремления человечества по пути, указанному Христом.

На раннем этапе работы над романом «Бесы» автор вкладывал свои размышления в слова героя, будущего Ставрогина: «Идеал безусловной нравственности – Христос... Нравственная идея в Христе» [6, т. 11, с. 177]. И далее: «Понимаете ли вы, в чем сущность вопроса: христианство спасет мир и одно только может спасти...». После этих рассуждений следует запись: «Мир станет красота Христова» [Там же, с. 188]. В этом же романе автор приходит к логическому завершению своих взглядов: «некрасивость», под которой писатель понимал духовно-нравственное падение человечества, «убьет» мир.

В начале работы над романом «Подросток» Достоевский вновь ставил вопрос: «Что же спасет мир?» И давал неизменный ответ: «Красота» [Там же, т. 16, с. 43].

Мысль о Христе как «чудесной и чудотворной красоте» высказана в «Дневнике писателя» за 1873 г. Достоевский считал, что на человеке, которого в силу его греховной природы может заносить в самую бездну, нельзя основывать абсолютный идеал. За абсолютное совершенство и абсолютный идеал может быть принят только идеал, стоящий выше человека. «Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек» [Там же, т. 20, с. 172]. Мысль о Христе как идеале связана с утверждением мессианской роли православия. Для Ф. М. Достоевского Христос был залогом желанного «золотого века» на земле. По мысли Достоевского, Христос указал на возможности человеческой природы и на закон ее развития. Во Христе писатель находил для себя убедительное доказательство того, что идеал возможного гармонического устройства общества имеет нравственные основы в каждой человеческой личности. В записи от 16 апреля 1864 г. Ф. М. Достоевский утверждал: «После появления Христа как идеала человека во плоти стало ясно как день, что высочайшее развитие личности должно дойти до того, чтобы человек уничтожил свое “я”, отдал его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно... И это величайшее счастье... Это-то и есть рай Христов» [Там же]. Самым ярким выражением христианского идеала Ф. М. Достоевский считал нравственные нормы народа, живущие в русском крестьянстве – глубокая религиозная вера, отзывчивость, стремление к братству, справедливости.

В то же время Достоевский понимал, что красота христианского идеала – это только красота возможностей человека, его бесконечного стремления к прекрасному. Идеал, который дал Христос, не достижим для человечества в целом по «чрезвычайной силе и глубине запроса», потому так трагична судьба красоты и добра в мире. Эта мысль высказана Достоевским в рассуждениях о Дон Кихоте: «Величайшая красота человека, величайшая чистота его, целомудрие, простодушие, незлобливость, мужество и, наконец, величайший ум – все это нередко (увы, так часто даже) обращено ни во что, проходит без пользы для человечества и даже обращается в посмеяние» [Там же, т. 26, с. 25].

Невероятно труден путь красоты на земле. Красота воплощает человечеству его идеалы, а потребность идеала особенно остро развивается, когда «человек в разладе с действительностью, в негармонии, в борьбе, то есть когда наиболее живет, потому что человек наиболее живет именно в то время, когда чего-нибудь ищет и добивается» [5, с. 80]. Весь смысл этой борьбы – стремление к идеалу красоты. Несмотря на то, что красота обладает огромной силой, а стремление к ней – закон человеческой жизни, писатель показал, следуя жизненной правде, что судьба ее трагична на земле, как трагична земная жизнь самого Христа и всех его учеников и последователей. Путь праведника – это путь Христа, крестный путь. Христос не обещал благополучной, спокойной и счастливой жизни человеку на земле, напротив, он предупреждал: «В мире будете иметь скорбь» [7, гл. XVI, ст. 33]. Писатель отразил эту закономерность в своих романах. Драматична, даже трагична, судьба носителя духовной красоты князя Мышкина, князя Христа. В царство человеческой гордыни, алчности, ненависти приходит «положительно прекрасный человек», лишенный себялюбия, бескорыстный, целомудренный, сострадательный и смиренный. Нравственный закон, по которому живет князь Мышкин, не мог сосуществовать с законом окружающего его падшего мира. Их столкновение неизбежно. Трагический исход борьбы предрешен.

Красота Настасьи Филипповны становится источником несчастья окружающих, любящих ее людей, более того, гибнет и она сама. В трагизме добра и красоты проявляется не только миропонимание Достоевского, но и «его могучий гуманизм, обвиняющий мир, в котором высочайшие ценности жизни ожидает неизбежная трагедия» [1, с. 106-107]. Достоевский видел неугасающее, ни при каких условиях жизни, стремление к красоте. Отсюда следует вывод, что как ни труден путь красоты на земле, вместе с тем только он единственный спасителен, потому что указан человечеству самим Христом, путь, который нельзя пройти без лишений и скорби, но силы следовать этим узким и тесным путем придает вера в Бога и бессмертие души. «Иго Мое благо, и бремя Мое легко» [8, гл. XII, ст. 30], – вспоминаются слова Христа.

Ф. М. Достоевского всегда отличало трудное умение показать красоту через трагедию, изобразить трагическое в перспективе идеала и потрясти читателя не только страданиями, но и силой человечности. Писатель специально выбирал трагические явления как материал, позволяющий в большей степени открыть перспективу, идеал, а трагический пафос их осмысления считал лучшим средством выявления этого идеала. Ф. М. Достоевский отмечал, что в его произведениях есть красота особого рода: «вместо красоты людей в типах – красота правил», «красота человеческих возможностей...» [6, т. 24, с. 166].

Обращает на себя внимание то, что герои Достоевского часто проявляют повышенную склонность к эстетической оценке, что постоянно у него встречаются упоминание, разговоры, спор о красоте. Достаточно вспомнить «Неточку Незванову» (1849), «Братьев Карамазовых» (1880). Так Ф. М. Достоевский показывает, что человеку очень важно оправдать, обосновать свой образ мыслей, а иногда и жизни, красотой. Несмотря на то, что, по мнению Достоевского, образ «положительно прекрасного человека» в романе «Идиот» остался недоовоплощенным и ему удалось воплотить только незначительную долю своего замысла, писатель не отказался от «безмерной» задачи. Образы странника Макара Долгорукого в романе «Подросток», священника Тихона в «Бесах», старца Зосимы в «Братьях Карамазовых» свидетельствуют о неугасающем стремлении Достоевского совершить чудо воплощения идеала красоты.

Достоевский, изображая перспективу человеческих возможностей, верил в существование смысла жизни, верил в то, что стремление к красоте не бесполезно. «В понимании Достоевского, человек – это существо, которое никогда не сдаётся и не отступает от этого поиска и которое, возможно, несмотря на очевидную тщетность своих попыток, будет всегда утверждать эту свою первейшую потребность и никогда не признает, что истина и ложь, добро и зло, справедливость и несправедливость – всего лишь слова, лишённые значения, изменчивые и подменяющие друг друга с изменением времени <...> перспектив и точек зрения; что мир стремится в пустоту, где нет больше понятий высоко – низко...» [12, с. 2]. Такое стремление и такая уверенность исходит из православной веры, потому что самому человеку невозможно было бы не отчаяться при виде трагической судьбы его идеалов, красоты, добра.

Таким образом, по Достоевскому, только красота как форма духовных ценностей христианства, может спасти мир. Но мир может и отвергнуть ее, как отверг, в свое время, Христа и его последователей, и идеалом его стала «содомская» красота. Такой путь ведет к гибели человечество. Но он не стал привлекателен для всего мира. Идеал абсолютного совершенства, истинной, христианской красоты никогда не умирал, был и остается для многих путем спасения. Человеку, как утверждал своим творчеством Ф. М. Достоевский, необходимо всегда стремиться к абсолютному идеалу красоты: в этом его смысл пребывания на земле.

Список литературы

1. **Бабович М.** Судьба добра и красоты в свете гуманизма Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования: в 20-ти т. / ред. тома Г. М. Фридлиндер. Л.: Наука, 1974. Т. 1. С. 100-107.
2. **Белик А. П.** Художественные образы Ф. М. Достоевского. Эстетические очерки. М.: Наука, 1974. 224 с.
3. **Делл Аста А.** В борьбе за реальность / пер. с итал. М.: Художественная литература, 2012. 184 с.
4. **Делл Аста А.** Красота и спасение в мире Достоевского // Христианство и русская литература / пер с итал. А. Шашковой. СПб.: Наука, 1999. Сб. 3. С. 250-262.
5. **Достоевский Ф. М.** О русской литературе. М.: Современник, 1987. 399 с.
6. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. (33 кн.). Л.: Наука, 1972-1990. Т. 6. 421 с.; Т. 8. 509 с.; Т. 9. 527 с.; Т. 10. 518 с.; Т. 11. 425 с.; Т. 14. 512 с.; Т. 16. 440 с.; Т. 20. 432 с.; Т. 24. 514 с.; Т. 26. 512 с.; Т. 28. Кн. 2. 608 с.
7. **Евангелие от Иоанна** // Новый Завет на церковнославянском и русском языках. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. С. 409-529.
8. **Евангелие от Матфея** // Новый Завет на церковнославянском и русском языках. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. С. 3-152.
9. **Ильин И. А.** Основы художества. О совершенном в искусстве // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Русская книга, 1996. Т. 6. Кн. 1. С. 51-182.
10. **Кашина Н. В.** Эстетика Ф. М. Достоевского. М.: Высшая школа, 1989. 288 с.
11. **Мочульский К. В.** Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 607 с.
12. **Пачини Дж.** О философии Достоевского: эссе / пер. с итал. М.: Прометей, 1992. 80 с.
13. **Сараскина Л. И.** Испытание будущим. Ф. М. Достоевский как участник современной культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 598 с.
14. **Сканлан Д.** Достоевский как мыслитель / пер. с англ. Д. Васильева и Н. Киреевой. СПб.: Академический проект, 2006. 256 с.
15. **Соловьев В. С.** Собрание сочинений: в 9-ти т. СПб.: Общественная польза, 1901. Т. 3. 438 с.
16. **Сырица Г. С.** Поэтика портрета в романах Ф. М. Достоевского. М.: Гнозис, 2007. 407 с.

CHRISTIAN MEANING OF F. M. DOSTOEVSKY'S AESTHETIC WORLD OUTLOOK

Akulova Larisa Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
akulova47@bk.ru

The article examines the issues connected with the ethical-philosophical and aesthetic views of F. M. Dostoevsky. The address to this theme is connected with the author's aspiration to conduct a profound analysis of the writer's worldview and creative work. Special attention is paid to revealing the Orthodox foundations of the ethical-aesthetic views of F. M. Dostoevsky. The topicality of the paper is determined by the necessity to comprehend the writer's creative work again that is connected with the appearance of superficial attitude to the worldview and aesthetic views of F. M. Dostoevsky in the contemporary periodical press and public consciousness.

Key words and phrases: aesthetics; ethics; Christian worldview; absolute ideal; absolute perfection; truth; kindness; beauty; salvation.

УДК 82-4; 82-43

В статье рассматривается один из этапов в истории становления жанра паломнического путешествия – 30-е гг. XIX в., в этот период паломническое путешествие, типологически связанное с древнерусским хождением, начинает осознаваться не в системе жанров древнерусской литературы, но как явление, связанное с религиозно-философскими, духовно-нравственными проблемами современности. Литературная критика этого времени, увидевшая актуальность возродившегося жанра, осмысливает его жанрово-стилевые параметры и вписывает паломническое путешествие в жанрово-стилевую систему духовной словесности.

Ключевые слова и фразы: литературная критика; духовная проза; паломническое путешествие; образ автора-паломника; художественное мировосприятие.

Александрова-Осокина Ольга Николаевна, д. филол. н, доцент
Педагогический институт Тихоокеанского государственного университета
osokina-11@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА 30-Х ГГ. XIX В. О ДУХОВНО-ЭСТЕТИЧЕСКОМ СОДЕРЖАНИИ ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-64-01000.

Возрождение паломнической литературы в первой половине XIX в. (началом этого процесса можно считать появление книги А. Н. Муравьева «Путешествие ко Святым местам», 1832 г.) происходит в атмосфере религиозно-духовного подъема эпохи романтизма. В это время религиозные идеи и настроения находили отражение в творчестве многих русских писателей; православный тип мировосприятия стал основой «русской идеи», связался неразрывно с мыслями о национальной истории, русском характере, российской государственности (см.: [2]), пробуждается интерес к духовному наследию Древней Руси, начинает складываться религиозная эстетика (см.: [5]).

В этом контексте паломническое путешествие выходит на заметные позиции в историко-литературном процессе: появляются сочинения о путешествии в Святую Землю, которые привлекают внимание критиков: Д. В. Дашков «Русские поклонники в Иерусалиме»; отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 г. («Северные цветы», 1826), А. Н. Муравьев «Путешествие ко святым местам в 1830 году» (СПб., 1832), А. С. Норов «Путешествие по Святой земле в 1835 году» (СПб., 1839). Если в начале XIX в. критика писала, что паломнические путешествия относятся «к числу книг, которые любят читать и перечитывать наши грамотные простолюдины, и <...> мало представляют любопытного для читателей высших сословий» (см.: [12, с. 228]), то уже к 30-м гг. XIX в. проза этого типа привлекает внимание критиков как явление современной литературной жизни.

Отмечая преемственность между паломническим путешествием и древнерусским хождением, исследователи подчеркивали высокое духовное содержание этой прозы: так И. П. Сахаров рассматривал хождения как явление духовной словесности, которая «имея бесчисленные источники в творениях русских духовных писателей, составляет драгоценное богатство нашей грамотности» (см.: [15, с. III]).

Духовное содержание древнерусских хождений подчеркнул Н. В. Гоголь. В рецензии для пушкинского «Современника», посвященной изданию «Хождения» Ионы (Маленького) (1836 г.), он писал, что эта литература составляет любимое народное чтение: «Путешествия в Иерусалим производят действие магическое в нашем народе. Это одна из тех книг, которые больше всего и благоговейнее всего читаются» (см.: [6, с. 200-201]). Эпитет «благоговейный», связанный с церковнославянской лексикой, подчеркивает, что в народе отношение к «хождениям» было таким же, как к церковному слову и духовным стихам, источником этого отношения является не познавательный интерес, не любопытство, но потребность приобщиться к духовному знанию, почувствовать через книгу свою сопричастность Святым местам. В заметке Гоголя обозначена важная